МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА: РЕЦЕПЦИЯ ИНОНАЦИОНАЛЬНОГО ПОВОЛЖЬЯ

L. N. Sarbash

俄羅斯楚瓦大學俄國文學系 副教授

Department of Russian literature, Chuvash State University

【摘要】

本論文研究跨文化對話，分析 19 世紀俄羅斯文學所描寫的窩瓦河地區不同民族間宗教和神話信仰的接受方式、習俗和宗教儀式差異等。由俄羅斯作家費力收錄的《非俄羅斯》民族文選內容豐富，蒐錄範圍廣泛，包括探討不同民族現象的藝術合法化、民族心理學的類型、多邊形式的俄國空間觀。本論文僅侷限在不同族群間的跨文化對話，包括分析不同宗教信仰、民族意識典型、不同族裔間的相互干擾、宗教與神話信仰和傳統等。

【關鍵字】

19 世紀俄國文學、跨文化對話、跨種族接受現象、窩瓦河民族性、民族學

【Abstract】

Intercultural dialogue is analyzed: reception of religious and mythological beliefs, customs and ceremonies of numerous nationalities of the Volga region in Russian literature of the XIX century. In creativity of Russian writers extensive inonatsionalny "anthology" is created: art legitimization of the inonatsionalny phenomena, ethnopsychological types, many-sided worlds of the Russian space. Intercultural dialogue in limits of the art text appears in various ethnic marking: representatives of different beliefs, archetypes of national consciousness, process of interethnic interference, religious and mythological beliefs and traditions.

【Keywords】

19th-century Russian literature, intercultural dialogue, reception inonatsionalny phenomena, nationalities of the Volga region, ethnographic.

Русские писатели XIX века проявляли внимание к нерусским народностям, культура и быт которых составляли духовное пространство России: в литературном процессе широко представлена рецепция нерусского – изображение иноэтнической реальности, обычаев, обрядов, религиозно-мифологических верований, этнопсихологических типов. В русской литературе XIX возникает межкультурный диалог как широкого плана межкультурная коммуникация, которая дает возможность расширения духовно-нравственных и художественно-эстетических представлений о мире, приятия других национально-культурных традиций, понимания взаимосвязей разных этносов.

Рецепция русской литературой XIX века инациональных явлений, творческое воплощение одной национальной модели через призму другой духовно-нравственной системы координат, русской культурно-художественной традиции, – одна из актуальных проблем современной литературоведческой науки. М. М. Бахтин в работе «Эстетика словесного творчества» поднимает актуальный вопрос о взаимодействии культурных доминант, в процессе которого возникает новая идейно-художественная коннотация, межкультурный диалог. М. Бахтин считает, что одна национально-культурная картина становится ярче через призму восприятия другой: видится отличие от «своей» и своеобразие «иной»: «Чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» (М. М. Бахтин, 1986: с.354).

Поволжье представляло собой большое смешение народов, «великий Ноев ковчег», где, как отмечал писатель Е. Н. Чириков, «собрались на свидание все народы Европы и Азии и все их боги, злые и добрые, со всеми чадами и домочадцами: великоросс, малоросс, татарин, чуваш, черемисин, мордвин, немец, еврей, персиянин, калмык... Христиане разных толков, последователи Будды, Магомета, грозного ветхозаветного Иеговы, Заратустры, первобытные язычники» (Е. Н. Чириков, 1916: с.270). Народы, населяющие Волгу и мирно «сожительствовавшие со славянским племенем», становились предметом как этнографического описания, так и художественно-публицистического

изображения. Инонациональное проявляется в разной степени своего этнического выражения, в различных повествовательно-стилистических формах передачи: авторский рассказ, персонифицированный рассказчик, через восприятие персонажа и появление этнического героя.

В творчестве русских писателей, принимавших непосредственное участие в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе 1813-1814 годов, появляется тема участия нерусских народностей в исторических событиях эпохи: образы башкир, калмыков, татар, чувашей, мордвы в произведениях Д. В. Давыдова, К. Н. Батюшкова, Ф. Н. Глинки, С. Н. Глинки, В. А. Жуковского, А. Ф. Раевского. В самосознание героя, «русского офицера», органично входит идея многонационального русского единства. В произведениях К. Н. Батюшкова «Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года», «Переход через Рейн», «К Никите» воспевается героический воинский подвиг, патриотизм и слава русского оружия, появляются не только исторические личности, но и безвестные воины – «ратники», «богатыри», «полки славян», «донцы», «башкирцы, горцы и татары» – многоплеменная русская армия. В элегии «Переход через Рейн» русские предстают как огромная сила. «Под знаменем Москвы» собраны разные народы (собирательное «мы»), но все они «сыны снегов» необъятной России: «И час судьбы настал! Мы здесь, сыны снегов, Под знаменем Москвы, с свободой и с громами! Стеклись с морей, покрытых льдами, От струй полуденных, от Каспия валов, От волн Улеи и Байкала, От Волги, Дона и Днепра, От града нашего Петра, С вершин Кавказа и Урала... Мы здесь, о Рейн...» (К. Н. Батюшков, 1964: с.210-211). Поэт изображает переход русских через Рейн как значительное событие, которое видится в контексте истории: Рейн, как «свидетель всех времен», поил своими водами древних германцев, воинов Юлия Цезаря, сейчас на его берегах русские, которые библейски именуется «новыми Маккавеями». Передается единение: в контексте произведения русские – все российские народы, принимающие участие в разгроме врага. Уже в XIX веке возникает ментальное определение «русские», распространяющееся на другие народности. А. Ф. Раевский в «Воспоминаниях о походах 1813-1814 годов» утверждает, что Россию отстаивали вместе с русскими и другие народы: «Башкирцы, калмыки, тептяри... разделяли святой подвиг брани народной; и они

смирляли дерзость просвещенных французов» (А. Ф. Раевский, 1822: с.36). Автор «Воспоминаний» описывает вход в Гамбург башкирских полков в праздничных нарядах. Маркером инационального является этнический костюм: «Мы сами удивлялись чистоте и опрятности их одежды, которую берегли они только для случаев торжественных. Белые кафтаны в сомкнутых рядах нескольких полков представляли новое, но довольно приятное зрелище» (А. Ф. Раевский, 1822: с.36). В условиях ратной службы происходит знакомство офицера-дворянина, представителя русской ментальности, с башкирской национально-культурной традицией, которая вызывает приятие и уважение. Непосредственные участники исторических событий увидели не только русскую, но и инациональную народную стихию. В «Письмах русского офицера» и поэзии Ф. Н. Глинки даются этнические образы. В стихотворении «Ура!» поэт с неподдельной гордостью пишет о русской армии, пришедшей с победой во французскую столицу: русское возникает в контексте произведения как многонациональное. Русский дается как один из многих других: тут и степной калмык, и донской казак, и инородец Сибири – «сын пределов Енисейских», из сибирских остяков, которыми называли в XIX веке многочисленные енисейские народности:

«И видел, как коня степнова
 На *Сену* пить водил *Калмык*
 И в *Тюльери* у часовова
 Сиял, как дома, Русский штык!
 И сын пределов *Енисейских*,
 Или Придонский наш Козак,
 В полях роскошных *Елисейских*,
 Походный ставил свой бивак...»(Ф. Н. Глинка, 1854: с.7-8).

Лирический герой предстает как выразитель нации: русские даны в своем многонациональном единстве и «разноплеменном» выражении. В «Прибавлении к Русской Истории» С. Н. Глинка отмечает патриотический подъем, свойственный всем народам Российского государства: «Не только стародавние сыны России, но и народы, отличные языком, нравами, верою и образом жизни, народы кочующие, – и те наравне с природными Россиянами, готовы были умирать за землю Русскую. Мордва, Тептери, Мещеряки, Черемисы ревностно и охотно шли на службу; Башкирцы Оренбургские сами

собою вызывались и спрашивали у Правительства: не нужны ли их полки?» (С. Н. Глинка, 1818: с.113). Сергей Глинка, как и многие русские писатели XIX века, выделяет в повествовании название народностей графически – прописной буквой и курсивом, тем самым акцентируя внимание на этническом факторе. Война 1812 года по своей значимости для Отечества видится писателем в контексте российской истории: возникает сопоставление с судьбоносным 1612 годом, когда русские также вместе с другими народами отстаивали свое Отечество. В ракурсе соположения исторических событий видится и российское «множество» народов: «Двести лет тому назад, 1612 года, в злополучные времена междуцарствия, Чуваши, Мордва, Черемисы, добровольно и собственным иждивением вооружили сорок тысяч к защите России. В грамотах, писанных во время трехлетнего междуцарствия, упоминается, что сии луговые народы шли быстро, чтобы вместе с Русскими в одно время и в один час поспеть к освобождению Москвы» (С. Н. Глинка, 1818: с.113). Описывая свершившуюся «историю», Сергей Глинка отмечает «ревность и готовность к общему отечественному делу» российских народностей, которые были нерусской национальности – «отличные языком», другого вероисповеданья – «иноверные жители России» – и образа жизни. Это «общее отечественное дело» и есть та скрепа, которая объединяет все народы России до нынешних времен. Общее Отечество, его интересы есть интересы каждого отдельного человека и любой народности – это увидел С. Глинка и в прошедшей истории, и в современности.

А. С. Пушкин расширяет границы художественного изображения, включая в предмет описания российское инонациональное в его разнообразных этнических проявлениях. В «Истории Пугачева» он описывает участие народов Поволжья (башкир, татар, калмыков, чувашей, мордвы) в пугачевском бунте, вводя в произведение большой документально-исторический материал. В идейно-художественной системе повести «Капитанская дочка» возникает образ обезображенного башкира, который наводит Гринева на рассуждения о человеколюбии; в «Путешествии в Арзрум» появляются этнические реалии калмыцкого мира. В переписке поэта и статье «Мои замечания о театре», наряду с упоминаниями немки, шотландки, французов, появляются этнонимы

российского мира – «чуваш» и «чувашка». В литературно-художественной системе XIX века возникал, как правило, русско-европейский сопоставительный аспект, который Пушкин значительно расширяет, вводя в него «внутреннее» российское. В письме к Петру Вяземскому поэт, рассуждая о критике, вновь использует этноним «чуваш»: «Критики у нас, у чувашей, не существует, палки как-то неприличны: о поединке и смех и грех было и думать, то ли дело цып-цып или цыц-цыц...» (А. С. Пушкин, 1951: с.272). Конечно, в данном контексте Пушкин ведет речь о русской критике, находящейся под бдительным оком цензуры и отданной на откуп продажному журналисту Фаддею Булгарину. В то же время он показывает и свою «включенность» в российское многоцветье – «у нас, у чувашей». Поэт не противопоставляет себя инородцам, считая всех их принадлежащими к русскому миру и себя (русских) к ним.

Образы разных культурных миров появляются на страницах русской литературы XIX века. В жанре семейных хроник С. Т. Аксакова («Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука») предстает широкое полиэтническое полотно Поволжья: мир русской жизни находится во взаимодействии с иными национальными мирами – мордовским, башкирским, чувашским, татарским. Национально-культурный диалог в границах художественного текста предстает в различной этнической маркировке: представители разных вер – православной, мусульманской, лютеранской; архетипы национального сознания; процесс межэтнического взаимовлияния и аккультурации – образ «обашкирившегося» русского Каратаева; башкирский мир в его культурно-этнографическом выражении – от бытового до бытийного. Маркером этнической культуры является национальный костюм: яркий женский наряд мордвы в восприятии русской Софьи Николаевны, чувашское женское платье, увиденное ребенком. Реалии этнического мира возникают в детском мировосприятии особенно яркими: мордовские перевозчики в пестрых национальных рубахах; кантонный старшина, башкир Мавлют Исеич; чувашская изба с причудливым горением лучины. В семейных хрониках С. Т. Аксакова предстает не замкнутая моноэтническая среда: русская жизнь дается в большом российском мире, национально разнообразном. Сережа Багров привык к этому многообразию с детства и считает, что так и должно быть.

Башкирская тема широко заявлена в русской классической литературе: в

«Истории Пугачева» и «Капитанской дочке» А. С. Пушкина, «Дневниках» В. А. Жуковского, произведениях В. И. Даля, интернациональный характер творчества которого отмечал В. Г. Белинский, в творчестве В. Зефирова, П. Е. Размахнина, В. С. Юматова, М. В. Авдеева, Ф. Д. Нефедова, Л. Н. Толстого, Г. И. Успенского, Д. Н. Мамина-Сибиряка и многих других. На основе легенд, преданий и бытописания башкир и других национальностей Оренбургского края Далем созданы произведения, связанные с жизнью русских и «коренных обитателей»: «Замечания о башкирцах», «Нечто о кумысе», «Скачка в Уральске», «Скачки в Уральске и Оренбурге», «Охота на волков», «Башкирская русалка», «Полуночник», «Новые картины русского быта» («Обмиранье»), «Осколок льду», «Рассказ об осаде крепости Герата», «Майна», «Бикей и Мауляна», «Уральский казак», в которых предстают образы инокультурных миров. Мастерство Даля заключается в умении одним взглядом подметить «характеристические черты края, народонаселения» (И. С. Тургенев, 1978: с.280), с помощью которых и создается иноэтнический образ. Актуализатором «инокультуры» в «Башкирской русалке» являются мифопоэтические легенды и сказания, организующие сюжетную динамику произведения (В. Даль, 1897: с. 330-331). Характерная особенность «Башкирской русалки»: точная и правдивая историко-этнографическая характеристика «срачивается» с башкирскими преданиями, которые являются структурообразующим элементом произведения, его эстетическим свойством.

Межкультурный диалог создается обращением русских писателей к инонациональным обрядам и религиозно-мифологическим верованиям, отражающим этнопсихологические особенности народного сознания. Языческая теогония мордвы появляется в творчестве П. И. Мельникова-Печерского: «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь», «Исторические известия о Нижнем Новгороде», «Нижегородская мордва», «Общественные моления эрзян», «Эрзянская свадьба», «Мокшанская свадьба», диалогия «В лесах» и «На горах». В «Очерках Мордвы» П. И. Мельникова-Печерского дается обстоятельное описание одной из российских народностей: ее история, взаимоотношение с русскими, этнические особенности жизни, древняя мифология в иерархическом соотношении мордовских божеств, народная

поэзия. Национальный мир создается обращением к мордовскому фольклору. Писатель вводит в повествование народные песни: приводит образцы «позморо» – старинной песни во время жертвоприношения в Велень-Молян; «кельморо» («песня березы», которая в народной культуре олицетворяет женское начало и плодородие); мордовские песни во время праздника Анге-Патяй; разнообразные «величания» девушек. Устное поэтическое творчество, архетипы национального сознания способствуют созданию иного национально-культурного образа. Писатель отмечает в песнях культ березы и березового божества. В величаниях девушками подруги находят отражение национальный костюм мордовки, ее нравственно-этические представления о красоте и здоровье. Текст песен дается на языке оригинала, национальный пласт речи – кодификатор мордовского: русский писатель дорожит инонациональным словом, так как многие песни уже по-мордовски не поются; неизменно дается и русский эквивалент песен: «Катя, Катерька (то есть Катенька) матерька, щегольски одевается, ходит щегольски и важно! Ай, в саратовских чулках, в высокопятых башмаках, в шестиполосной узорчатой рубахе, с двенадцатью платками за поясом, как заря, горит она в штофном платье» (П. И. Мельников-Печерский, 1899: с.106). В другой песни пригожесть мордовки связывается с народными представлениями о красоте – с походкой женщины, выражающей ее физическую силу, здоровье и нравственное достоинство: «Софья Рязанова! Как облупленная липа, бело ее тело; как скатанный льняной холст – на ногах ее обувь, а походка ее как у детища лучшей лошади» (П. И. Мельников-Печерский, 1899: с.107). Песни, как и другие явления мордовской жизни, сопровождаются необходимым культурно-этнографическим комментарием писателя. К данному величанию предпослано обстоятельное авторское пояснение: «Мордовки особенно щеголяют своими ногами, для чего и носят короткие рубахи и понявы. Условие красоты ног состоит в их толщине и крепкой походке. Мордовки для того наматывают вместо онуч по несколько аршин тонкого льняного, хорошо выбеленного холста и стараются, чтобы он лежал как можно глаже. Мордовки отличаются бодрою походкой, они всегда держат голову прямо и высоко, никогда не опускают глаз в землю и ступают сильною, ровною поступью. Отсюда сравнение походки девушки с походкой породистой лошади» (П. И. Мельников-Печерский, 1899: с.107). В «Очерках

Мордвы» русский писатель передает фольклорный уровень мирочувствования народа, этнографизм и фольклоризм становятся тем свойством художественной системы, которое определяет эстетический характер произведений.

П. И. Мельников-Печерский пишет о мордве как древнем народе, имеющем самобытную культуру, обращает внимание на уклад жизни: мордва придерживается своих древних, идущих от предков обычаев и обрядов, хранит родовые патриархальные традиции. Предметом особого рассмотрения является обрядовый календарь и мордовская свадьба как сложное полифоническое явление образно-мифологической культуры, выражающее народное миросозерцание. В русле этнографической школы русской литературы XIX века писатель развивает инациональное этнографическое направление, которое становится заметным явлением литературного процесса.

Ф. М. Достоевский, исследующий самосознание русского человека, обращается к изображению и инациональных явлений российской действительности: в «Записках из Мертвого дома» появляются образы различных национально-культурных миров. Писатель осваивает новую сферу российской действительности: показывает каторгу в ее типичных проявлениях и многонациональном арестантском составе. В произведении дается художественное осмысление универсальных основ бытия, философии жизни не только русских, но и других народов. Появляется образ каторжной России как полиэтноконфессиональной: изображаются представители разных национальных российских миров – кавказские горцы, татары, поляки, малороссы, калмыки, цыгане, еврей. В произведении возникает образ каторжного народа: это арестанты, товарищи по несчастью, без различия вер и национальностей. Аким Акимович говорит Александру Петровичу Горянчикову о разнородном каторжном «сброде», как по социальному положению, так и по национальному признаку и вероисповеданию: «Иной из кантонистов, другой из черкесов, третий из раскольников, четвертый православный мужичок, семью, детей милых оставил на родине, пятый жид, шестой цыган, седьмой неизвестно кто...» (Ф. М. Достоевский, 1974: с. 28). Инациональные пласты жизни не являются для героя чужеродными: они «иные», «другие», но в континууме общего российского мира. В произведении изображаются разнообразные

этнические образы, многоликие национальные характеры, эксплицируются национально-этнические свойства. Товарищи Горянчикова по несчастью принадлежат к разным религиям – христианству, исламу, иудаизму, буддизму. Они различного вероисповедания. Достоевский упоминает праздники и обряды разных вер: описывает Рождество, Великий пост, Пасху у православных, мусульманские праздники, еврейскую пятничную молитву. В произведении предстают многоликие национальные образы – представители разных вер и культур.

Л. Н. Толстой в период обретения нового мирозерцания в 80-е годы пишет целую серию «народных рассказов», обладающих высоконравственным христианским содержанием и имеющих целью дать поучение, образцовый пример жизни. В «народных рассказах» Л. Н. Толстого «Ильяс» и «Много ли человеку земли нужно» появляются герои-инородцы – башкиры и их патриархальный уклад жизни. Идеиная направленность «народных рассказов», созданных на инонациональном материале, – «выражение в художественных образах учения Христа» (Л. Н. Толстой, 1934: с.326). Критика собственности и проповедь отказа от материальных благ дается в рассказе «Ильяс», героями которого является башкир Ильяс и его жена Шам-Шемаги. В судьбе Ильяса присутствует своеобразный инвариант библейского мифа об Иове, две явно обнаруживающие себя, составляющие части ветхозаветной легенды: жизненные испытания, которым подвергается герой, и духовная истина. Писатель не определяет бога конфессионально, хотя в рассказе присутствует служитель ислама мулла и Ильяс-мусульманин. Бог – это те духовные нравственно-этические постулаты, которые определяют истинное бытие; комплекс идей, необходимых человеку, к какой бы вере он ни принадлежал. Л. Н. Толстой объединяет людей России в нравственных устремлениях, показывая, что вне зависимости от нации, человеку нужна одна и та же истина, общая для всех, наднациональная, надконфессиональная. В произведении писателя возникает осмысление иноэтнического в русле общечеловеческих духовных универсалий бытия.

Идейная тенденция рассказа «Много ли человеку земли нужно» – критика частнособственнических корыстных интересов. Патриархальные, кочующие по степи башкиры с позиции материального интереса – приобретения земли –

определяются русским купцом как «несмышленные», так как землю у них «можно почти даром взять»: «...стариков убоготворил. Халатов, ковров раздарил рублей на сто, да цирик чаю, да попоил винцом, кто пьет. И по двадцать копеек за десятину взял» (Л. Н. Толстой, 1937: с.72). Кочевой уклад жизни башкир, живущих в гармонии с природным миром, выступает у Толстого как идеал естественной патриархальной жизни: «Живут все в степи, над речкой, в кибитках войлочных. Сами не пахут и хлеба не едят. А в степи скотина ходит и лошади косяками. За кибитками жеребята привязаны, и к ним два раза в день маток пригоняют; кобылье молоко доят и из него кумыс делают. Бабы кумыс болтают и сыр делают, а мужики только и знают – кумыс и чай пьют, баранину едят да на дудках играют. Гладкие все, веселые, все лето празднуют. Народ совсем темный, по-русски не знает, а ласковый» (Л.Н.Толстой, 1937: с.72). В изображении писателя башкиры – невинные дети природы, люди степного мира, живущие в согласии с ним; показывается природный гомеостаз. Жизнь и обычаи башкир соответствуют христианским добродетелям: нет жажды накопительства, они равнодушны к материальным благам жизни и довольствуются малым, необходимым; простодушны, гостеприимны, спокойны и веселы.

В рассказе башкиры противопоставлены русскому, православному, но по существу не христианину – «выбившемуся в люди», утробно жадному Пахому, который хочет «купить земли в вечность», «взять в вечность». Последнее словосочетание неоднократно повторяется, становится лейтмотивом жизненных устремлений героя. Для кочующих башкир земля – это необъятная, не ограниченная в своих просторах степь, не закрепленная ни за кем в отдельности, общая для всех. Степь возникает как архетип пространства и воли, естественных первоначал бытия. В рассказе рисуется космического плана картина: огромное степное пространство, солнце, совершающее свое природное движение, мудрые философы-башкиры на холме (шихане) и внизу Пахом, обегаящий землю, желающий, во что бы то ни стало получить ее «навсегда». В «народных рассказах» обращение к инонациональным пластам жизни идет в русле общей мировоззренческой тенденции 80-90-х годов: преподнесение высоконравственных христианских истин – «правды царствия Божия». Инонациональное дается как универсальное, общечеловеческое, как

надэтническое и надконфессиональное.

Этнокультурная идентичность в художественном тексте создается обращением русских писателей к обрядовой культуре. Обычаи и религиозно-мифологические верования чувашей появляются в произведениях В. И. Даля, Н. С. Лескова, Н. Г. Гарина-Михайловского, Н. Д. Телешова, В. Г. Короленко. В «Очарованном страннике» Н. С. Лескова этнический персонаж дается через мировосприятие православно ориентированного героя, русского Ивана Флягина. Тем не менее «чувашское» предстает в своем национальном своеобразии: языческий злой бог Киреметь, которому чувашаи приносили жертвы, двоеверие чуваша – жертвоприношение Киремети и почитание Николая Чудотворца как «Русского Бога». Приписываемый чувашам обычай «тащить сухую беду» («тип шар») – сюжетобразующая основа произведений В. Даля и Н. Телешова, названных «Сухая беда». Создается не только этнографический пласт жизни, но и определенный этнопсихологический тип. Чувашская мифология («великий добрый Тура», злой дух Ирик), весенний праздник Уяв, похоронный обряд чувашей в соединении христианских и языческих элементов появляется в цикле Н. Г. Гарина-Михайловского «В сутолке провинциальной жизни». Характерным принципом создания межкультурного диалога становится межэтническое сопоставление, продиктованное особенностями жизни – тесным соседством различных этносов, что создает органичность творческого освоения «другого»: «иное», но при этом и не «чужое», входящее в огромный российский космос. Чувашский обычай «опахивания» в цикле В. Г. Короленко «В холерный год» изображается в системе межэтнических национально-обрядовых традиций: русской – жители Нижегородской губернии, кавказской – кабардинцы и ингуши. Религиозно-мифологические верования и обряды вотяков (удмуртов) появляются в цикле статей В. Г. Короленко «Мултанское жертвоприношение»: излагаются «следы родового быта», отмечается трансформация религиозных понятий, в соединении языческих и христианских элементов (языческий Ин-мар становится христианским Богом). Мифология вотяков дается в сравнительно-сопоставительном аспекте со славянской и в контексте мирового религиозного развития.

В русской литературе XIX века создается обширная инациональная

«антология»: художественная легитимация инонациональных явлений, прописывание этнических образов, многоликих национальных миров огромного российского космоса. Изображение инонациональных явлений позволяет выявить не только ментальную картину национального бытия, множественность российских «инокультур», но и увидеть новую смысловую содержательность русской литературы и публицистики XIX века, открытой к постижению «иноного», создающей национально-культурный диалог.

Литература

- Батюшков К. Н. Полн. собр. стих. М.; Л.: Сов. писатель, 1964.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
- Глинка С. Н. Прибавление к Русской Истории или Записки и замечания о происшествиях 1812, 13, 14 и 15 годов, им самим изданные. М.: Унив. тип., 1818. Ч.1.
- Глинка Ф. Н. Ура! СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1854.
- Даль В. (Казак Луганский). Полн. собр. соч. СПб.; М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, 1897. Т. 7.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 4.
- Мельников П. И. (Андрей Печерский). Полн. собр. соч. СПб.: Изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1899. Т.12.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.Т. 10.
- Раевский А. Ф. Воспоминания о походах 1813-1814 годов: в 2 ч. М.: Унив. тип., 1822. Ч.2.
- Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1937. Т. 25; 1934. Т. 63.
- Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1978. Т. 1.
- Чириков Е. Н. Собр. соч.: в 17 т. М.: Моск. книгоиздательство, 1916. Т. 16.